

Научная статья
УДК 94(47+437)“18/19”:355.23:316.334.3
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2025-30-2-479-492>

Особенности повседневной жизни российской и германской военных элит в конце XIX – начале XX века: сравнительный анализ

Герман Сергеевич Чувардин

ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева»
302026, Российская Федерация, г. Орел, ул. Комсомольская, 95
wodantag@mail.ru

Аннотация

Актуальность. Интерес к теме исследования обусловлен необходимостью изучения адаптации военных элит России и Германии к вызовам модернизации на рубеже XIX–XX веков через призму их повседневных практик, ценностных ориентаций и социального состава. Цель исследования – провести сравнительный анализ этих аспектов, выявив их влияние на кризис традиционных моделей армии.

Методы исследования. В основе исследования лежит компаративный анализ статистики, мемуаров и современных работ с применением междисциплинарных методов: сравнительно-исторического, количественного, качественного (контент-анализ, case-study), институционального и социокультурного подходов.

Результаты исследования. Показано, что российская военная элита, сохраняя архаичные черты, страдала от социальных противоречий и непрофессионализма, тогда как германская, будучи меритократической, оказалась подвержена технократическому догматизму. Досуговые практики отражали ключевые различия: статусный гедонизм и сословные традиции в России против дисциплины и профессионального прагматизма в Германии.

Выводы. Подчеркнуто, что обе модели, несмотря на различия, оказались уязвимыми: российская – из-за отрыва от общества, германская – из-за замкнутости на узкопрофессиональных задачах. Исследование вносит вклад в военно-историческую антропологию и теорию элит, предлагая модель анализа взаимосвязи повседневности и институциональных кризисов.

Ключевые слова: военные элиты, повседневность, сравнительный анализ, Россия, Германия, кризис модернизации

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: Г.С. Чувардин – анализ статистических данных, анализ документальной и научной литературы, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Чувардин Г.С. Особенности повседневной жизни российской и германской военных элит в конце XIX – начале XX века: сравнительный анализ // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 30. № 2. С. 479-492. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2025-30-2-479-492>

Original article

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2025-30-2-479-492>

The peculiarities of the daily life of the Russian and German military elites in the late 19th and early 20th centuries: a comparative analysis

German S. Chuvardin

Orel State University named after I.S. Turgenev
95 Komsomolskaya St., Orel, 302026, Russian Federation
wodantag@mail.ru

Abstract

Importance. The interest in the research topic is due to the need to study the adaptation of the military elites of Russia and Germany to the challenges of modernization at the turn of the 19th–20th centuries through the prism of their daily practices, value orientations and social composition. The goal of the study is to conduct a comparative analysis of these aspects, revealing their impact on the traditional army models' crisis.

Research Methods. The research is based on a comparative analysis of statistics, memoirs and modern works using interdisciplinary methods: comparative historical, quantitative, qualitative (content analysis, case study), institutional and socio-cultural approaches.

Results and Discussion. It is shown that the Russian military elite, while retaining archaic features, suffered from social contradictions and lack of professionalism, while the German, being meritocratic, was subject to technocratic dogmatism. Leisure practices reflected key differences: status hedonism and class traditions in Russia versus discipline and professional pragmatism in Germany.

Conclusion. It is emphasized that both models, despite their differences, turned out to be vulnerable: the Russian one because of its isolation from society, the German one because of its isolation on narrow professional tasks. The study contributes to military historical anthropology and the theory of elites by offering a model for analyzing the relationship between everyday life and institutional crises.

Keywords: military elites, everyday life, comparative analysis, Russia, Germany, modernization crisis

Funding. This research received no external funding.

Author's Contribution: G.S. Chuvardin – statistical data analysis, analysis of documental and scientific literature, manuscript draft writing.

Conflict of Interests. The author declares no conflict of interests.

For citation: Chuvardin, G.S. (2025). The peculiarities of the daily life of the Russian and German military elites in the late 19th and early 20th centuries: a comparative analysis. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* = *Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 30, no. 2, pp. 479–492. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2025-30-2-479-492>

АКТУАЛЬНОСТЬ

На рубеже XIX–XX веков военные элиты России и Германии столкнулись с вызовами модернизации, которые трансформировали не только армию как институт, но и повсе-

дневные практики, ценностные ориентиры и социальный облик офицерства. Данный этап развития, отмеченный стремительным технологическим прогрессом, изменением характера войн и нарастанием социально-политических противоречий, во многом пре-

допределил судьбы обеих империй. Изучение повседневной жизни военной элиты – ее материального положения, досуговых стратегий, профессиональных и внеслужебных практик – позволяет не только реконструировать исторический контекст, но и выявить глубинные механизмы адаптации традиционных институтов к меняющейся реальности.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, развитием военно-исторической антропологии, смещающей фокус с анализа боевых операций на изучение человеческого измерения армии – мотиваций, идентичностей, повседневных практик военных. Во-вторых, закономерен интерес к феномену элит в переломные эпохи, так как начало XX века, как и современность, – время кризиса старых моделей и поиска новых; сравнение двух периодов позволяет выявить универсальные и уникальные черты трансформации военного социокультурной среды. В-третьих, на современном этапе военные элиты вновь сталкиваются с вызовами (цифровизация, гибридные войны, изменение социального статуса армии), что делает исторический опыт начала XX века актуальным для поиска аналогий понимания ценностных трансформаций.

В последние годы тема военных элит Российской и Германской империй рассматривается в контексте социальной истории, гендерных исследований и истории повседневности. В центре исследовательского интереса находятся императорская гвардия и механизмы ее формирования [1–4]. Гендерный аспект военной элиты представлен изучением матримониальных отношений [5–7]. Ведутся сравнительные исследования военно-интеллектуальных элит России и Германии [8; 9], военной бюрократии и мобилизационных процессов в преддверии Первой мировой войны [10–13]. Продолжаются теоретико-методологические исследования повседневности военной элиты [14; 15].

Однако комплексный сравнительный анализ повседневной жизни российской и германской военных элит остается недоста-

точно изученным, что определяет актуальность данного исследования.

Несмотря на исследовательский интерес к проблеме военной элиты рассматриваемого периода [16; 17], в историографии недостаточно изученными остаются механизмы адаптации военных элит к социально-политическим изменениям, сравнительный анализ досуговых практик как отражения ценностных ориентаций и влияние повседневности на профессиональную эффективность. Настоящее исследование восполняет эти лакуны, предлагая комплексный подход к изучению военных элит через призму их повседневных практик и социальных ролей.

Цель исследования – провести сравнительный анализ повседневных практик, социального состава и ценностных ориентаций военных элит России и Германии в конце XIX – начале XX века, выявив их роль в кризисе традиционных моделей армии.

Объектом исследования выступают российская и германская военные элиты. В контексте исследования военная элита понимается как привилегированная группа высшего командного состава, обладающая властными полномочиями, особым социальным статусом и корпоративной идентичностью. Она включает военную элиту (генералитет, значительная часть старших офицеров императорской гвардии), военно-политическую и военно-интеллектуальную элиты.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материал исследования основан на компаративном анализе статистических данных, мемуаров, и современных исследований, что позволяет совместить социокультурный подход с системным взглядом на военную организацию.

Применялся комплекс методов, позволяющих всесторонне проанализировать повседневные практики и социальные характеристики военных элит России и Германии конца XIX – начала XX века. Так, сравнительно-исторический метод применялся для системного сопоставления организационных

структур, подготовки и материального обеспечения офицерских корпусов, при анализе различий в социальном составе и карьерных траекториях. Для статистического анализа данных о денежном содержании офицеров разных рангов, при обработке цифровых показателей социального происхождения военной элиты применялись количественные методы. Качественные методы были использованы для контент-анализа мемуаров, дневников, case-study применялся при анализе отдельных представителей военной элиты. При изучении структур военного управления и механизмов карьерного роста применялся институциональный анализ.

Посредством социокультурных методов рассматривались ценностные ориентации через досуговые практики, корпоративная культура офицерства, изучение статусных маркеров и досуговых форм военной элиты.

По сути, междисциплинарный методологический подход позволяет сочетать макроанализ военных институтов с микроисследованием повседневной жизни их представителей, что особенно важно для изучения элитных групп в переходные исторические периоды.

Результаты работы значимы не только для исторической науки, но и для социологии элит, теории управления и военной антропологии, предлагая модель анализа взаимосвязи повседневности и институциональных кризисов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Русский старший офицерский корпус конца XIX – начала XX века представлял собой сложное социальное явление с глубокими внутренними противоречиями. Неоднократно посещавший Россию немецкий генерал Гейнц фон Базедов отмечал: «Ни в одной армии не встречается такого неравенства среди офицерского корпуса, как в русской» [18, с. 290]. В гвардии, особенно в престижных частях («Петровская бригада», кавалерия, конная артиллерия), сохранялось безусловное доминирование аристократии. В то

же время в армейской пехоте до 60 % офицеров уже были выходцами из недворянских семей, хотя их карьерные перспективы оставались ограниченными [8]. Этот процесс сопровождался кризисом «старой элиты» – дворянство постепенно теряло монополию на военную службу, но сохраняло привилегированные позиции в гвардии и при дворе.

Профессиональный уровень старшего офицерского корпуса вызывал серьезные вопросы. Его можно обозначить как «позитивный дилетантизм», который проявлялся в сочетании широкого кругозора в области социогуманитарной сферы со слабой профессиональной (военной) подготовкой [8]. Это можно отнести к аристократическим пережиткам эпохи позднего феодализма, когда дворянин изучал «рыцарские науки», компенсируя недостаток военной тактики честью и доблестью. Кроме того, по наблюдению Г. фон Базедова, многие офицеры стремились перейти на «спокойные» гражданские должности, избегая фронтовой службы [18, с. 279]. Недостаток системного военного образования и ориентация на «рыцарский» идеал чести в ущерб боевой выучке стали одной из причин поражений в Крымской (1853–1856), Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской (1904–1905) войнах.

Карьерные механизмы в русской армии основывались скорее на социальных связях и происхождении, чем на профессиональных качествах. При крайне сложной системе комплектования военной элиты, ее «аристократический механизм» не утратил актуальности даже в начале двадцатого века. Основным социальным лифтом оставалась гвардия, где принадлежность к престижным полкам и близость ко двору значили больше, чем успехи в академии Генштаба. Роль Генерального штаба до 1905 г. была крайне ограничена, а назначения часто зависели от произвола военного министра. Лишь после поражения в Русско-японской войне генштабисты стали играть более заметную роль [19].

Идеологическая позиция высшего офицерства характеризовалась парадоксальным сочетанием формальной преданности монар-

хии с фактической аполитичностью, даже несмотря на то, что особое внимание уделялось идеологической подготовке. Воспитанные в духе «убежденного и основательного противодействия распространению противогосударственных учений»¹, офицеры тем не менее демонстрировали отсутствие глубокого понимания политических процессов. В отличие от германской армии, где офицеры были объединены идеей «прусского милитаризма», в России сохранялся острый раскол между гвардейцами, «армейцами» и генштабистами.

Попытки военной реформы после 1905 г. (создание Главного управления Генштаба) натолкнулись на сопротивление консервативных кругов. Даже талантливые генштабисты вынуждены были лавировать между интересами аристократии и требованиями профессионализации. Характерной чертой оставалась недооценка иностранных армий – в отличие от немецких коллег, русские офицеры редко глубоко изучали потенциальных противников, что вело к стратегическим просчетам.

Таким образом, в начале XX века сохранялись феодальные пережитки – разрыв между образованными генштабистами и «дилетантами-гвардейцами», слабая дисциплина и неготовность к современной войне. Российская система формирования военной элиты выдвигала на ключевые посты прежде всего лояльных аристократов, а не компетентных профессионалов.

Особую социально-политическую конструкцию конца XIX – начала XX века, игравшую ключевую роль в управлении империей, представлял собой российский генералитет, так как вплоть до 80-х гг. XIX века почти все государственные учреждения возглавлялись генералами или приравненными к ним чиновниками [17]. Эта традиция сложилась еще в петровскую эпоху и сохраняла свою актуальность вплоть до падения монархии. «Тра-

диционно генерал в России больше, чем генерал. Так уж повелось. Почти до конца прошлого века культурная и политическая элита России была самым тесным образом связана с армией и военной службой», – подчеркивает важность военной составляющей в российской властной вертикали².

Особое место в структуре генералитета занимала так называемая «немецкая партия». Анализ численного состава властной элиты в эпоху Николая I и Александра II позволяет говорить о сильной «немецкой группе» (при подавляющем перевесе остзейцев) в военно-политической элите. Балтийские немцы, составлявшие «верхние слои общества: «рыцарство» и большую часть среднего сословия», прочно удерживали свои позиции в государственном аппарате и армии, формируя особую субкультуру власти [17]. Идеологической основой сознания основной части генералитета (по понятным причинам случались и исключения) служила охранительная теория С.С. Уварова, что определяло его консервативно-охранительную позицию, где «все связанное с модернизацией трактовалось как богоотступничество» [16, с. 58]. Такой мировоззренческий подход превращал генералитет в оплот традиционализма, сопротивлявшегося любым либеральным преобразованиям.

Генералитет болезненно реагировал на социальные изменения. Рост открытости русского общества не просто настораживал, но и пугал представителей этой группы. Характерно высказывание генерала А.А. Киреева о Государственной думе как о «пагубном» институте, где действовали «революционеры, кадеты и евреи» [20, с. 183]. Эти настроения отражали глубинный страх военной элиты перед модернизацией.

К началу XX века нарастающий кризис системы привел к острому противостоянию между военно-политической элитой и обществом. Противостояние стремительно дегра-

---

¹ Михайлов А.А. Военно-учебное ведомство России во второй половине XIX – начале XX в. и его роль в подготовке офицерских кадров: дис. ... д-ра ист. наук. Санкт-Петербург, 2008. 308 с.

---

² Шурыгин В. Россия в лампах // Завтра.ру: сайт. 09.01.2001. URL: <https://zavtra.ru/blogs/2001-01-0961?ysclid=magz8xjh6594446746> (дата обращения: 15.04.2024).

дирующей властной аристократии и изначально деструктивной, «декадентствующей» либеральной оппозиционной интеллигенции обозначило два тупиковых для России сценария власти. Генералитет, будучи важнейшей частью правящего класса, оказался неспособным предложить адекватные ответы на вызовы времени.

Можно выделить ряд ключевых факторов, которые определяли политическую позицию российского генералитета на рубеже веков, отражавшие мировоззренческие позиции военной элиты России:

- формальная аполитичность при фактическом консерватизме;
- жесткая система идеологического воспитания;
- нарастающий отрыв от социальных реалий;
- страх перед переменами.

Таким образом, российский генералитет представлял собой уникальное явление – военно-политическую корпорацию, чье влияние простиралось далеко за пределы собственно военной сферы. Тесно связанный с монархией и аристократией, он выступал одновременно как опора традиционного порядка и фактор консервации архаичных социально-политических практик. Кризис этой системы в начале XX века стал одной из глубинных причин революционных потрясений, поставивших точку в истории военной элиты как особой властной конструкции.

Институциональные основы германской военной элиты сложились в последней трети XIX века как синтез прусских военных традиций и требований модернизации. Германский офицерский корпус кайзеровской эпохи представлял собой уникальный образец военной меритократии, сложившейся в результате целенаправленных реформ прусской школы. Как точно подметил философ В. Шубарт: «...немец душой и телом – солдат», что полностью отражало профессиональный этос германской военной элиты [21, с. 218].

Центральным элементом системы стал Большой Генеральный штаб (Großer Generalstab), достигший пика влияния к 1890-м гг.

По данным военного историка Г. Риттера, численность офицеров Генштаба увеличилась с 120 человек в 1871 г. до 625 к 1914 г., что отражало его растущую роль [22, р. 217]. Как отмечал современник, генерал фон дер Гольц: «...при гениальном графе Шлиффене обучение стратегии, а также образование в Генеральном штабе достигло высшей точки» [23, с. 15]. Эта оценка подчеркивает превращение учреждения в интеллектуальный центр армии.

Система подготовки представителя военно-интеллектуальной элиты Германской империи основывалась на жестких меритократических принципах. Так, учебный план предполагал 4280 учебных часов в Военной академии (Kriegsakademie) против 2950 в российской Николаевской академии Генштаба [24; 25]. Программа обучения включала обязательное изучение тактики и стратегии иностранных армий и регулярные стратегические игры и маневры. Профессиональная подготовка отличалась не только системностью, технократическим подходом, но и систематическим изучением противников. Такие офицеры, как генерал Макс Гофман, в совершенстве знавший русский язык и прошедший стажировку в России, олицетворяли новый тип военного профессионала-аналитика [26].

Кадровая политика демонстрировала уникальное сочетание меритократии и корпоративной замкнутости. Как отмечал кайзер Вильгельм II: «Будущее моей армии я вижу в сыновьях достойных буржуазных семейств» [27, с. 41]. Статистика показывает: если в 1860 г. доля буржуазии среди прусских генералов составляла лишь 14 %, то к 1913 г. – уже 48 % [27, с. 41]. Однако, как отмечает исследователь Д.Ц. Фуллер, «Эта буржуазия носила мундир прусского офицера», сохраняя верность традиционным ценностям [28, с. 98]. Этот подход привел к тому, что к 1914 г. 70 % прусских офицеров были выходцами из недворянских слоев. Это кардинально отличало германскую модель от российской, где 91 % генералов оставались потомственными дворянами.

Ключевыми чертами германского воинского этоса германского офицера были:

- абсолютная аполитичность («бюргер в мундире»);
- культ исполнительности;
- профессиональная узкая специализация;
- вера в превосходство германской военной школы.

Особое внимание уделялось изучению потенциальных противников. Генерал Гофман, критически оценивая русскую армию, отмечал: «Я знал ее теоретически и практически» [29, с. 6]. Этот системный подход контрастировал с российской практикой, где иностранные армии изучались поверхностно.

Корпоративная сплоченность германского офицерства не имела аналогов в Европе. По мнению современников, в ней было отсутствие сословных или региональных расколов, доминировали единые прусские стандарты. При этом культ «духа прусской армии» сохранился, несмотря на проникновение буржуазных элементов [30, с. 16].

Этот контраст объясняет слова русского военного агента В.Ф. Новицкого в Берлине: «В Германии офицер служит армии, в России – государю» [31, с. 142]. Германская система продемонстрировала впечатляющую оперативную эффективность в 1914 г., но ее стратегическая ограниченность проявилась в неспособности выйти за рамки технократического мышления. Как заключил историк А. Тейлор: «Пруссаки выигрывали все битвы, кроме решающей» [32, с. 27]. Эта оценка характеризует сильные и слабые стороны описываемой модели. Отрыв от политических реалий, гипертрофированная вера в свою непогрешимость и неспособность мыслить за рамками оперативного искусства стали причинами стратегического поражения.

Германский старший офицер начала XX века – это профессионал-меритократ, чья идентичность строилась на военной дисциплине, буржуазных ценностях и националистической пропаганде. В отличие от российского офицерства, где сохранялись архаичные сословные перегородки, в Германии до-

минировала система, где карьера зависела от знаний, а не родословной. Это делало германскую армию более адаптивной и эффективной, но также способствовало ее отрыву от политических реалий, что в итоге привело к поражению в Первой мировой войне.

Таким образом, германское офицерство начала XX века представляло собой уникальный сплав профессиональной компетентности и политической наивности. Созданная им военная машина была, по выражению историка Г. Риттера, «слишком совершенна, чтобы быть мудрой» – эта характеристика отражает трагический парадокс германской военной элиты [22, с. 200].

Система материального содержания российского офицерского корпуса начала XX века отражала глубокую социальную стратификацию военной элиты. Данные статистики демонстрируют существенный разрыв в доходах между различными категориями военнослужащих. На вершине финансовой пирамиды находился начальник Главного штаба, получавший 10000 рублей годового содержания, что в 15 раз превышало оклад подпоручика (600–800 рублей). Командиры бригад в чине генерал-майора располагали доходом в 3000–4717 рублей, что подчеркивало значительную дифференциацию даже в рамках генеральского корпуса [33, с. 320].

Особенностью российской системы были многочисленные дополнительные выплаты: «представительские» суммы (сотни рублей) для высшего командования; надбавки за должность (1200 рублей для командиров полков); специальные доплаты генералам (2400–2500 рублей) [34, с. 220–225].

Сравнительный анализ с германской армией выявляет существенное отставание в уровне материального обеспечения российских офицеров. Начальник дивизии в России получал 6756 рублей против 8838 рублей у немецкого коллеги. Еще более показателен разрыв в содержании командиров корпусов: 9500 рублей в России против 12000 и более рублей в Германии³. Эти цифры свидетельствуют не только о разнице в уровне жизни,

но и о принципиально ином отношении к статусу военной элиты в двух странах.

Финансовая политика в российской армии сохраняла отчетливый сословный характер, что проявлялось в резкой диспропорции между гвардией и армией, значительным разрывом между высшим и средним командным составом, а также слабой дифференциацией окладов по профессиональным качествам.

Такая система материального стимулирования, с одной стороны, поддерживала престиж высших военных чинов, а с другой – не создавала достаточных мотиваций для профессионального роста основной массы офицерства. Современники подчеркивали дисбаланс финансовой системы военного ведомства Российской империи: «русский генерал жил как вельможа, тогда как ротный командир едва сводил концы с концами» [35, с. 159].

Досуг российской военной элиты начала XX века представлял собой сложную систему занятий и развлечений, которые не только отражали их высокий социальный статус, но и служили важным инструментом поддержания связей внутри военного сообщества.

Значительное место в жизни генералитета занимали азартные увлечения. Карточные игры, особенно преферанс и бридж, были массовым явлением, нередко приводящим к серьезным финансовым последствиям [36]. Отдельной формой азартных развлечений стали биржевые спекуляции, хотя они встречались реже и чаще становились предметом скандалов [37].

Спортивные занятия демонстрировали высокий статус военных. Охота была особенно популярна среди кавалерийских генералов. Супруга генерала Ренненкампа вспоминала, что муж «...любил охоту обыкновенную и парфорсную» [38, с. 40]. Зинаида Юсупова писала про генерала-майора Ф.Ф. Юсупова, что он «...убивает по одному медведю в сутки» [39, с. 108]. Конный спорт, включая разведение породистых лошадей и

участие в скачках, стал прерогативой элиты. Появление автомобилей с 1903–1905 гг., особенно после того, как они появились у царской семьи, стало показателем принадлежности к высшему обществу. Гимнастика и атлетика, хотя и были модным увлечением, развивались довольно бессистемно – к 1913 г. в стране действовало 182 спортивных общества⁴.

Интеллектуальные и творческие занятия свидетельствовали о культурном уровне военной элиты. Посещение театра и оперы было обязательным элементом светской жизни. Некоторые генералы проявляли себя как творческие личности: композитор Кюи создавал музыкальные произведения, а фотограф Вишняков занимался искусством фотографии [40]. Коллекционирование предметов искусства, антиквариата, оружия и ювелирных изделий, как у Ренненкампа, стало престижным занятием. Отдельные представители генералитета проявляли себя в научной деятельности, например, генерал Васмунд занимался рационализаторством в области создания печей. Генерал-майор М.А. Иолшин увлекался полетами на воздушном шаре⁵.

Социальные практики играли важную роль в поддержании связей внутри элиты. Клубы и рестораны, такие как Петровский яхт-клуб, служили центрами неформального общения. Курорты, такие как Ялта и Карлсбад, сочетали в себе лечебные процедуры и светские развлечения, что делало их особенно привлекательными для военной элиты.

Таким образом, досуговые практики российского генералитета формировали особый образ жизни военной элиты, подчеркивая их высокий социальный статус и принадлежность к привилегированному классу общества.

Досуговые практики германской военной элиты (конец XIX – начало XX века) несколько отличались от российской. Например, азартные увлечения (карточные игры) были распространены, но немецкие офицеры

³ ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 6.

⁴ Хмельницкая И.Б. Столичный досуг в начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2004.

⁵ РГВИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 400. Оп. 13. Ед. хр. 87. (1911 г.). Л. 1-31.

Таблица 1

Сравнение досуговых форм германской и российской военной элиты

Table 1

Comparison of leisure forms of the German and Russian military elite

Критерий	Россия	Германия
Финансовое положение	Крайнее неравенство	Более сбалансированное
Азартные игры	Массовые, с риском для репутации	Дозированные, осуждался азарт
Спорт	Престиж (охота, скачки)	Системная подготовка (фехтование, гимнастика)
Интеллектуальный досуг	Коллекционирование, искусство	Военные игры, анализ стратегий
Социальные связи	Светские клубы, курорты	Регламентированные казино, профессиональные круги

Источник: составлено автором.
Source: compiled by the author.

относились к ним с большей сдержанностью, чем русские. Генерал Эрих Людендорф отмечал, что в прусских офицерских казино азартные игры допускались, но проигрыши сверх определенной суммы считались недостойными [41]. Биржевые спекуляции осуждались как «недостойное дворянина занятие» [42].

Среди развлечений немецкой военной элиты было немало спортивных состязаний. Особую роль играло фехтование, которое являлось обязательным элементом подготовки. К Деметр подчеркивает, что дуэльные шрамы («меню») считались признаком чести [27]. Среди кавалеристов был распространен конный спорт. Генерал Макс Гофман в дневниках упоминал регулярные скачки в Потсдаме. В духе физкультурных занятий культивировались гимнастика и плавание. О распространении спортивных увлечений свидетельствует немецкая периодика: по данным «*Militär-Wochenblatt*» за 1908 г., 75 % офицеров посещали спортивные клубы⁶. Среди активных занятий была охота, но в менее распространенном масштабе, чем в России, и, как правило, практиковалась аристократами (например, принцем Максом фон Баденом). Наконец, символом прогресса с 1900-х гг.

стал автомобилизм. Одним из первых владельцев «Mercedes» был адмирал Тирпиц.

Одной из составляющих досуга Генштаба являлись интеллектуальные занятия, среди которых центральное место занимали военные игры и стратегические дискуссии [22].

Многие офицеры увлекались музыкой, преимущественно игрой на фортепиано, как генерал Пауль фон Гинденбург. В среде военной элиты было распространено коллекционирование оружия и военных мемуаров.

Социальные практики повседневной жизни отличались строгим этикетом. Особенно это заметно было в пространстве офицерского казино (аналог российского офицерского собрания), подчинявшимся правилам внутреннего распорядка и дозволенными темами диспута, с преимущественным акцентом на обсуждение тактики.

Местами отдыха и неформальных политических встреч выступали курорты Баден-Бадена и Висбадена.

Сравнение досуговых форм германской и российской военной элиты показывает, что, в отличие от русских генералов, немецкие офицеры реже увлекались азартными играми, делали акцент на системном спорте, совмещали досуг с профессиональным обучением (табл. 1).

⁶ *Freidrich R. Militär-Wochenblatt. 1908. H. 7: Die Schlacht bei Zorndorf am 25 August 1758. URL: <https://rusist.info/book/3607917> (abrufen: 10.04.2024).*

ВЫВОДЫ

К концу XIX – началу XX века российский офицерский корпус и генералитет представляли собой архаичную, внутренне противоречивую систему, сочетавшую феодальные пережитки с попытками модернизации.

Русская военная элита рубежа веков, сохраняя внешнюю мощь, внутренне была ослаблена социальными противоречиями, непрофессионализмом и идеологической ригидностью. Ее неготовность к реформам и отрыв от общества предопределили не только военные неудачи, но и кризис имперской системы.

Германский офицерский корпус кайзеровской эпохи представлял собой пример военной меритократии, сочетавшей прусские традиции с требованиями модернизации. Германская военная элита отличалась профессионализмом, но ее гипертрофированная вера в собственную непогрешимость и технократический догматизм стали причинами катастрофы 1918 г. В сравнении с российской архаичной системой немецкая модель демонстрировала преимущества меритократии, однако обе империи в итоге пали жертвами институциональных противоречий сво-

их военных элит. Очевиден *парадокс*: даже самая совершенная военная машина терпит крах, если ее элита не способна мыслить за рамками узкопрофессиональных задач.

Досуговые практики военных элит России и Германии отражали не только культурные различия, но и принципиально разные подходы к роли офицерства в обществе. Российскую военную элиту отличал статусный гедонизм и сословные традиции, тогда как отличительными чертами германской военной элиты были дисциплина и профессиональный прагматизм.

Российская модель повседневности военной элиты демонстрировала раздвоенность: с одной стороны, стремление к европейскому лоску, с другой – сохранение архаичных сословных привычек. Досуг часто становился побегом от профессиональной рутины, а не ее продолжением. Германская модель была подчинена дисциплине и профессионализму. Даже развлечения (спорт, стратегические игры) работали на поддержание боеспособности. Обе системы, несмотря на различия, оказались уязвимыми, но по разным причинам: российская – из-за декоративности элитарности, германская – из-за узкопрофессиональной замкнутости.

Список источников

1. Андрияйнен С.В. Российская императорская гвардия в конце XVII – первой половине XIX в.: основные вехи истории. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. гос. эконом. ун-та, 2020. 314 с. <https://elibrary.ru/zslokr>
2. Андрияйнен С.В. Гвардия императорская и гвардия сталинская: сравнительный анализ // 1944 год: «десять сталинских ударов»: сб. науч. тр. Санкт-Петербург, 2025. С. 42-48. <https://elibrary.ru/rcbiwp>
3. Андрияйнен С.В. Механизмы возникновения и формирования гвардейских частей в Российской императорской армии // Genesis: исторические исследования. 2023. № 8. С. 1-14. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2023.8.38586>, <https://elibrary.ru/ubmlqo>
4. Минаков С.Т. Офицеры Л-Гв. Семеновского полка 2 августа 1914 г. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2023. № 4. С. 79-87. <https://doi.org/10.33979/1998-2720-2023-101-4-79-87>, <https://elibrary.ru/glsvsh>
5. Чувардин Г.С., Гончарова И.В., Харченко О.А. Гендерный аспект изучения командного состава Л.-Гв. Преображенского полка 1881–1914 гг. (в контексте истории повседневности) // Ученые записки Орловского государственного университета. 2023. № 3. С. 62-67. <https://doi.org/10.33979/1998-2720-2023-100-3-62-67>, <https://elibrary.ru/idusyo>
6. Чувардин Г.С., Харченко О.А. Особенности матримониальных отношений командиров частей 1-й гвардейской кирасирской бригады Российской императорской гвардии в 1881–1914 гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2022. № 2. С. 52-56. <https://elibrary.ru/kltpwy>

7. Чувардин Г.С., Харченко О.А. Гендерный фактор в судьбе российской военно-политической аристократии конца XIX – начала XX веков: на примере семьи князя Ф.Ф. Юсупова графа Сумарокова-Эльстона // Новейшие исследования в области истории и педагогики: материалы 4 Всерос. науч. конф. Орел, 2024. С. 166-179. <https://elibrary.ru/umyqnq>
8. Чувардин Г.С., Гончарова И.В. «Военно-интеллектуальная элита» Российской и Германской империй в последней трети XIX – начале XX века как объект компаративного анализа // Вестник государственного и муниципального управления. 2019. № 1. С. 29-37. <https://elibrary.ru/qehiai>
9. Соколов А.П. Германский офицерский корпус в 1918–1939 гг.: общественный статус и политические взгляды. Москва, 2025. 335 с. <https://elibrary.ru/uqchgr>
10. Гребенкин А.Н., Антошкин А.Н. Роль русской православной церкви в формировании личности будущих офицеров в военно-учебных заведениях Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Глобальные вызовы современности и духовный выбор человека: 31 Междунар. Рождеств. образоват. чтения. Москва, 2024. С. 204-215. <https://elibrary.ru/hevwlr>
11. Макаревич О.Л. Становление мобилизационной подготовки в Российской империи накануне и в период проведения милютинских реформ (1831–1875 гг.) // Человеческий капитал. 2020. № 9. С. 25-36. <https://doi.org/10.25629/HC.2020.09.02>, <https://elibrary.ru/nyosaj>
12. Баев В.Г. Отто фон Бисмарк и милитаризация Германии (законодательное оформление военной реформы в Германии в 80-е годы XX в.) // LEX RUSSIA (Русский закон). 2020. № 9. С. 77-87. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.166.9.077-087>, <https://elibrary.ru/fcuilr>
13. Баев В.Г. Принципы формирования аппарата управления в Германии (опыт для России). К 300-летию российской государственности // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2021. № 3. С. 8-16. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2021.43.3.01>, <https://elibrary.ru/gwrzzj>
14. История повседневности в российской гуманитаристике – взгляд из 2024 г. / под ред. Д.П. Шульгиной, О.А. Огородниковой, А.А. Емельяновой. Москва, 2024. 474 с. <https://elibrary.ru/yttxek>
15. Сергеев Е.Ю. Теоретико-методологические проблемы имагологии международных отношений // «Свои» / «Другие» / «Чужие»: из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России. Санкт-Петербург: Алетей, 2021. С. 21-32. <https://elibrary.ru/arwvlu>
16. Чувардин Г.С. Психоментальные проекции и особенности мировоззрения военно-политической элиты Российской империи конца XIX – нач. XX в. // Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 56-62. <https://elibrary.ru/vvfikj>
17. Чувардин Г.С. Военно-политическая элита и «общественная машина» Российской империи пореформенного периода // Власть. 2011. № 2. С. 56-62. <https://elibrary.ru/ngamjj>
18. Базедов фон Г. Путевые впечатления о военной России // Быт русской армии XVIII – начала XX века. Москва: Воениздат, 1999. С. 272-291.
19. Высшие и центральные государственные учреждения России 1801–1917: в 4 т. / под ред. Д.И. Раскиной. Санкт-Петербург: Наука, 2004. Т. 4. Центральные государственные учреждения. 314 с.
20. Киреев А.А. Дневник. 1905–1910. Москва: РОССПЭН, 2010. 472 с.
21. Шубарт В. Европа и душа Востока. Москва: Эксмо, 2003. 480 с. <https://elibrary.ru/qocccq>
22. Ritter G. The Prussian Tradition (1740–1890) // The Sword and the Scepter: The Problem of Militarism in Germany: in 4 vols. Coral Gables, Florida, 1972. Vol. 1. 338 p.
23. Гольц Р., фон дер. Моя миссия в Финляндии и в Прибалтике. Санкт-Петербург, 2015. 318 с.
24. Строков А.А. Капиталистическое общество от французской буржуазной революции до периода империализма // История военного искусства: в 3 т. Москва. 1965. Т. 2. 690 с.
25. Глиноецкий Н.П. История Николаевской академии Генерального штаба. Санкт-Петербург, 1911. 432 с.
26. Гофман М. Война упущенных возможностей. Санкт-Петербург, 2016. 224 с.
27. Деметр К. Германский офицерский корпус в обществе и государстве. 1650–1945 гг. Москва: Центрполиграф, 2022. 383 с.
28. Фуллер Д.Ч. Ведение войны. 1789–1961. Москва, 1961. 232 с.
29. Гофман М. Война упущенных возможностей. Санкт-Петербург: Изд-во К. Тублина, 2016. 224 с.
30. Гольц Р., фон дер. Моя миссия в Финляндии и в Прибалтике. Санкт-Петербург, 2015. 318 с.
31. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. 467 с.
32. Тэйлор А.Дж.П. Борьба за господство в Европе. 1848–1918. Москва, 1958. 644 с.

33. Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Москва, 1996. 576 с.
34. Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. Москва: Мысль, 1973. 351 с.
35. Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра: в 2 т. Москва: Канон-пресс; Кучково поле, 1999. Т. 1. 400 с.
36. Хрусталева В.М. Император Николай II. Тайна Российского Императорского двора. Москва, 2013. 511 с.
37. Григорович И.К. Воспоминания бывшего морского министра. Москва: Кучково поле, 2005. 318 с.
38. Фон Ренненкампф В.Н. Воспоминания. Москва: Посев, 2013. 299 с.
39. Из семейной переписки Юсуповых // Река времени (Книга истории и культуры). Гражданское общество и частная жизнь: в 5 кн. / под ред. С.Г. Блинова. Москва: Эллис Лак, 1995. Кн. 2. С. 96-153.
40. Никитин В. Генерал-репортер // Родина. 1990. № 5. С. 70-71.
41. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918. Москва, 2024. 655 с.
42. Afflerbach H. Auf Messers Schneide: Wie das Deutsche Reich den Ersten Weltkrieg verlor. München: Beck C.H., 2018. 664 p.

References

1. Andriainen S.V. (2020). *The Russian Imperial Guard at the End of the 17th – the First Half of the 19th Century: the Main Milestones of History*. St. Petersburg, Saint Petersburg State University of Economics Publ., 314 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zslokr>
2. Andriainen S.V. (2025). Imperial guard and Stalin's guard: a comparative analysis. *Sbornik nauchnykh trudov «1944 god: «desyat' stalinskikh udarov» = Collection of Scientific Papers “1944: “Ten Stalinist Blows”*. St. Petersburg, pp. 42-48. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rcbiwp>
3. Andriainen S.V. (2023). Mechanisms of the emergence and formation of guard units in the Russian Imperial army. *Genesis: istoricheskie issledovaniya = Genesis: Historical Research*, no. 8, pp. 1-14. (In Russ.) <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2023.8.38586>, <https://elibrary.ru/ubmlqo>
4. Minakov S.T. (2023). LGW officers. Semenovskiy regiment August 2, 1914. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Notes of Orel State University*, no. 4, pp. 79-87. (In Russ.) <https://doi.org/10.33979/1998-2720-2023-101-4-79-87>, <https://elibrary.ru/glsvsh>
5. Chuvardin G.S., Goncharova I.V., Kharchenko O.A. (2023). Gender aspect of the study of the command staff of the life guards Preobrazhensky regiment 1881–1914 (in the context of the history of everyday life). *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Notes of Orel State University*, no. 3, pp. 62-67. (In Russ.) <https://doi.org/10.33979/1998-2720-2023-100-3-62-67>, <https://elibrary.ru/idusyo>
6. Chuvardin G.S., Kharchenko O.A. (2022). Specifics of matrimonial relationships of commanders of units of the 1st guards brigade of the Russian Imperial guards in 1881–1914. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Notes of Orel State University*, no. 2, pp. 52-56. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kltpwy>
7. Chuvardin G.S., Kharchenko O.A. (2024). The gender factor in the fate of the Russian military-political aristocracy of the late 19th – early 20th centuries: on the example of the family of Prince F.F. Yusupov, Count Sumarokov-Elston. *Materialy 4 Vserossiyskoi nauchnoi konferentsii «Noveishie issledovaniya v oblasti istorii i pedagogiki» = Proceedings of the 4th All-Russian Scientific Conference “The Latest Research in the Field of History and Pedagogy”*. Orel, pp. 166-179. (In Russ.) <https://elibrary.ru/umyqnn>
8. Chuvardin G.S., Goncharova I.V. (2019). “Military-intellectual elite” of the Russian and German empires in the last third of the 19th – early 20th centuries as an object of comparative analysis. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya = Journal of Public and Municipal Administration*, no. 1, pp. 29-37. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qehiay>
9. Sokolov A.P. (2025). *The German Officer Corps in 1918–1939: Social Status and Political Views*. Moscow, 335 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uqchgr>
10. Grebenkin A.N., Antoshkin A.N. (2024). The role of the Russian Orthodox church in the formation of the personality of future officers in military educational institutions of the Russian Empire in the late 19th – early 20th century. *31 Mezhdunarodnie Rozhdestvenskie obrazovatel'nye chteniya «Global'nye vyzovy sovremennosti i dukhovnyi vybor cheloveka» = 31st International Christmas Educational Readings “Global*

- Challenges of our Time and a Person's Spiritual Choice*". Moscow, pp. 204-215. (In Russ.) <https://elibrary.ru/hevwlr>
11. Makarevich O.L. (2020). Formation of mobilization training in the Russian Empire before and during the milyutin reforms (1831–1875). *Chelovecheskii kapital = Human Capital*, no. 9, pp. 25-36. (In Russ.) <https://doi.org/10.25629/HC.2020.09.02>, <https://elibrary.ru/nyosaj>
  12. Baev V.G. (2020). Otto von Bismarck and Germany militarization (legislative formalization of the military reform in Germany in the 80s of the 19th century). *LEX RUSSIA (Russkii zakon) = LEX RUSSICA*, no. 9, pp. 77-87. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.166.9.077-087>, <https://elibrary.ru/fcuilr>
  13. Baev V.G. (2021). Principles of the administrative machinery formation in germany (experience for Russia) to the 300th anniversary of Russian sovereignty. *Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki = MCU Journal of Legal Sciences*, no. 3, pp. 8-16. (In Russ.) <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2021.43.3.01>, <https://elibrary.ru/gwrzzj>
  14. Shulgina D.P., Ogorodnikova O.A., Emel'yanova A.A. (eds.) (2024). *The History of Everyday Life in Russian Humanities – a View from 2024*. Moscow, 474 p. <https://elibrary.ru/ytxek>
  15. Sergeev E.Yu. (2021). *Theoretical and Methodological Problems of the Imagology of International Relations // "Our Own" / "Others" / "Strangers": from the History of Interaction and Confrontation between the West, East and Russia*. St. Petersburg, Aleteiya Publ., pp. 21-32. (In Russ.) <https://elibrary.ru/arwvlu>
  16. Chuvardin G.S. (2016). Psychomental projection and features of the worldview of the military-political elite of The Russian Empire of late 19th – early 20th centuries. *Sovremennaya nauka. Aktual'nye problemy teorii i praktiki. Gumanitarnye nauki = Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series "Humanities"*, no. 2, pp. 56-62. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vvfikj>
  17. Chuvardin G.S. (2011). The military-political elite and the "social machine" of the Russian Empire of the post-reform period. *Vlast' = The Authority*, no. 2, pp. 56-62. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ngamjj>
  18. Bazedov G. fon (1999). Travel impressions of military Russia. *The Life of the Russian Army of the 15th – early 20th Century*. Moscow, Voenizdat Publ., pp. 272-291. (In Russ.)
  19. Raskina D.I. (ed.) (2004). *Higher and Central State Institutions of Russia 1801–1917: in 4 vols*. St. Petersburg, Nauka Publ., vol. 4: Central State Institutions, 314 p. (In Russ.)
  20. Kireev A.A. (2010). *Diary. 1905–1910*. Moscow, ROSSPEN Publ., 472 p. (In Russ.)
  21. Shubart V. (2003). *Europe and the Soul of the East*. Moscow, Eksmo Publ., 480 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qocccq>
  22. Ritter G. (1972). The Prussian Tradition (1740–1890). *The Sword and the Scepter: The Problem of Militarism in Germany: in 4 vols*. Coral Gables, Florida, vol. 1, 338 p.
  23. Gol'ts P., fon der. (2015). *My Mission is in Finland and the Baltic States*. St. Petersburg, 318 p. (In Russ.)
  24. Stokov A.A. (1965). Capitalist society from the French bourgeois revolution to the period of imperialism. *History of Military Art: in 3 vols*. Moscow, vol. 2, 690 p. (In Russ.)
  25. Glinoetskii N.P. (1911). *The History of the Nikolaev Academy of the General Staff*. St. Petersburg, 432 p. (In Russ.)
  26. Gofman M. (2016). *The War of Missed Opportunities*. St. Petersburg, 224 p. (In Russ.)
  27. Demetr K. (2022). *The German Officer-Corps in Society and State. 1650–1945*. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 383 p. (In Russ.)
  28. Fuller D.Ch. (1961). *Waging War. 1789–1961*. Moscow, 232 p. (In Russ.)
  29. Gofman M. (2016). *The War of Missed Opportunities*. St. Petersburg, K. Tublina Publ., 224 p. (In Russ.)
  30. Gol'ts P., fon der. (2015). *My Mission is in Finland and the Baltic States*. St. Petersburg, 318 p. (In Russ.)
  31. Kulikov S.V. (2004). *The Bureaucratic Elite of the Russian Empire on the Eve of the Fall of the Old Order (1914–1917)*. Ryazan, 467 p. (In Russ.)
  32. Teilor A.Dzh.P. (1958). *The Struggle for Supremacy in Europe. 1848–1918*. Moscow, 644 p. (In Russ.)
  33. Epanchin N.A. (1996). *In the Service of Three Emperors*. Moscow, 576 p. (In Russ.)
  34. Zaionchkovskii P.A. (1973). *Autocracy and the Russian Army at the Turn of the 19th–20th Centuries. 1881–1903*. Moscow, Mysl' Publ., 351 p. (In Russ.)
  35. Rediger A.F. (1999). *The Story of my Life. Memoirs of the Minister of War: in 2 vols*. Moscow, Kanonpress; Kuchkovo pole Publ., vol. 1, 400 p. (In Russ.)
  36. Khrustalev V.M. (2013). *Emperor Nicholas II. The Secret of the Russian Imperial Court*. Moscow, 511 p. (In Russ.)

37. Grigorovich I.K. (2005). *Memoirs of the Former Minister of the Navy*. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 318 p. (In Russ.)
38. Fon Rennenkampf V.N. (2013). *Memoirs*. Moscow, Posev Publ., 299 p. (In Russ.)
39. Blinov S.G. (ed.) (1995). From the Yusupov family correspondence. *River of Time (Book of History and Culture). Civil Society and Private life: in 5 books*. Moscow, Ellis Lak Publ., book 2, pp. 96-153. (In Russ.)
40. Nikitin V. (1990). General reporter. *Rodina*, no. 5, pp. 70-71. (In Russ.)
41. Lyudendorf E. (2024). *My Memories of the War of 1914–1918*. Moscow, 655 p. (In Russ.)
42. Afflerbach H. (2018). *Auf Messers Schneide: Wie das Deutsche Reich den Ersten Weltkrieg verlor*. München, Beck C.H., 664 p. (In German)

Информация об авторе

Чувардин Герман Сергеевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, г. Орел, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-7706-3419>
wodantag@mail.ru

Поступила в редакцию 17.01.2025
Одобрена после рецензирования 11.04.2025
Принята к публикации 18.04.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

German S. Chuvardin, Dr. Sci. (History), Associate Professor, Professor of History of Russia Department, Orel State University named after I.S. Turgenev, Orel, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-7706-3419>
wodantag@mail.ru

Received 17.01.2025
Approved 11.04.2025
Accepted 18.04.2025

The author has read and approved the final manuscript.